

водит меня к стене, где висит письмо из Белого дома с благодарностью за несколько ящиков "Шато Франк Брют". Его заказали у Франка для обеда по случаю встречи президента с губернаторами штатов и территорий. Рислинг доктора Франка попал в меню обеда президентов Клинтона и Ельцина.

"Согласитесь, когда твое шампанское заказывают для Белого дома, это уже кое-что да значит!" — говорит Вилли Франк.

Я соглашаюсь. В одном из привезенных из Хаммондспорта ящиков у меня стоит несколько бутылок "Шато Франк Брют". Один из новогодних тостов я уже привычно поднимаю за долголетие и процветание своего земляка.

Нью-Йорк

Восточное сердце Марьяны Гапоненко

То, что заголовок этих заметок — билингва, вполне закономерно. Наша землячка, о которой идет речь, известна за рубежом больше, чем в родном городе. Достаточно ввести ее типично украинскую фамилию, написав ее латинскими буквами, в поисковую систему Интернета, как тут же появятся ссылки — на стихи, эссе Марьяны Гапоненко в элитарных журналах и сборниках Германии и Австрии, на статьи о ней, принадлежащие перу ведущих критиков немецкоязычных стран.

Достаточно, к примеру, привести цитату из статьи Норберта Штернмута: "Вряд ли найдется литературная газета, в поэтическую антологию которой не вошли бы стихи Марьяны Гапоненко". И далее — его прогноз: "В недалеком будущем она станет одним из крупных лириков". Мнение Штернмута важно еще и потому, что он входит в состав академического жюри, избравшего именно 21-летнюю одесситку "Городским писателем" Граца на 2003 год. Переоценить значение данного выбора трудно: именно этот старинный австрийский город стал по решению ЮНЕСКО очередной Культурной столицей Европы. Насколько мне известно, Марьяна — единственная из граждан Украины, удостоившаяся подобной чести.

Ранее, в 2001-м, она стала одной из трех победителей конкурса "Немецкий языковой мир", и в 19 лет была наречена "Автором года". А первую немецкую стипендию получила в 16 лет в Регенсбурге, где стала третьим призером на поэтической олимпиаде — стихи в Баварию послала на свой страх и риск...

— Что же вы, Марьяна, обязаны делать, чтобы "отработать" грант, выделенный вам как городскому писателю Граца? Быть может, станете его летописцем или автором речей для обербургомистра?

— Буду продолжать свое занятие — писать стихи.

А еще ей предстоит сдавать экзамены на 4-м курсе факультета романо-германской филологии Одесского национального университета. Скажем прямо, Марьяна — не отличница, но декан, профессор Лидия Николаевна Голубенко, гордится ею, справедливо полагая, что студентка Гапоненко не только обладает незаурядным поэтическим дарованием, но и прославляет своим творчеством и Одессу, и Alma mater — университет.

Любопытно, что в семье Марьяны не было ни поэтов, ни лингвистов, да и училась она не в специализированной языковой, а в обычной школе. Стихов на русском языке никогда не писала, да и сейчас не пишет — лишь переводит свои с немецкого. Мечтает со временем создать журнал, в котором печатались бы ее переводы стихов русскоязычных поэтов на немецкий.

Искушенные читатели и специалисты отмечают в ее поэтических строках не просто

поразительное чувство немецкого языка, но и погружение в ту его мистическую составляющую, которую Александр Блок назвал пугающе и прозорливо: "Сумрачный германский гений".

Вспомним и переиначим другого поэта – Михаила Светлова:

– Откуда, Марьяна, немецкая грусть?

Почему шестнадцатилетняя одесская девочка вдруг решила доверить подспудные, самые потаенные чувства именно этому языку?

– Раньше я об этом не задумывалась. Объясняла и себе, и другим (и это было правдой): в школе мне легче учить язык, запоминать новые слова, выстраивая их ИМЕННО ТАК, в особом ритме... А сейчас могу сделать и более серьезный вывод. Мне хотелось думать по-иному, и эту возможность давал именно немецкий язык.

Марьяна считает его мужским, в то время как славянские – как бы женские. В этом нет оценки – лишь ощущения... Признается, что свою вторую сущность ей удастся выразить лишь на языке Гете и Шиллера, хотя не называет их любимыми авторами... В немецкую поэзию вовлек ее Пауль Целан – поэт трагической судьбы, о котором у нас мало что известно. Полунемец-полуеврей, уроженец Буковины, он в конце 30-х попал в Германию, где чудом уцелел, но все его близкие погибли в фашистском концлагере. Да и сам Целан не долго прожил после окончания войны... Стихи его – на грани отчаяния и надежды, необыкновенно и лиричны, и искренни.

Немецкие критики отмечают именно исповедальный и чувственный характер поэзии молодой одесситки. "Ее тексты, – пишет Александр Глюк, – иногда – как темный яд, наполненный страстью и мраком..." Редактор журнала "Erosterpost" Курт Вельфенгзедер пишет о "восточном сердце" Марьяны...

А между тем она вовсе не напоминает отвязанную "роковую" поэтессу, обуреваемую страстями. На вид – симпатичная одесская девушка с привычным и обыденным кругом приоритетов. Не только разных "фенечек", но даже джинсов не носит и от этого выглядит не богемно, а и чуть буржуазно. Но вот "эти черные глаза", унаследованные то ли от отца-армянина, то ли от матери-украинки... Впрочем, за поэта говорят стихи – и вы в этом сейчас убедитесь.

На этом снимке – Марьяна и издатель Эрик Мартин, впервые опубликовавший в Германии стихи 16-летней одесситки.

Разговор под землей

Были бы у меня глаза,
я б не закрыла их перед солнцем.

Было бы сердце у меня,
как высоко я бы его кинула!

Мои волосы снова бы пахли!

А мои маком!

А я бы свои расчесала
самой легкой рыбной костью.

Я – невеста.
почему не развеваются мои волосы?

Я родом с моря.
Когда я родилась, матушка смеялась, проклиная смерть,
и десять тысяч кошек города гнали сентябрь прочь,
на бегу разрывая его трепетный плащ.

Сентябрь исчезает каждый раз, когда он появляется.
Он не виноват, что у него трепетный плащ.

Он мне сказал: "В моем кармане достаточно места для тебя,
девчонка. Я заберу тебя как верный слуга,
вырву тебя из лап твоего танца. Навсегда.
Ты только подумай обо мне!"

Сентябрь кладет мне на порог каштаны и дремлющих кошек.
Нетерпеливый знак.

Матушка старится и берет молоко из моих рук.
"Все возвращается", – смеется она сквозь слезы.